

СТЕРЕОТИПЫ
В ЯЗЫКЕ, КОММУНИКАЦИИ
И КУЛЬТУРЕ

Сборник статей

Москва
2009

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЭТИКЕТНЫМИ ФОРМУЛАМИ БЕРЕСТЯНЫХ ПИСЕМ¹

Этикетные формулы новгородских писем на бересте привлекли к себе внимание уже на заре «берестологических» штудий. В ту пору, когда специфика бытовой орфографии, скрывавшая оригинальные черты древненовгородского диалекта, еще не была распознана, создавая у исследователей ложное, как теперь ясно, представление о малограмотности берестяных писем, именно наличие в них элементов эпистолярного этикета позволяло в первую очередь говорить о «литературной обработанности» языка; можно сказать, что этикетные формулы воспринимались тогда как своего рода островки нормы в море неупорядоченного языкового употребления.

Как выяснилось впоследствии, формульные элементы являются лишь одним из проявлений меры грамотности, вкуса и языковой компетенции, обнаруживаемых авторами большинства берестяных документов. Существенно более разнообразным, чем он поначалу представлялся, оказался репертуар этикетных (в частности — адресных) формул, а в их хронологическом распределении были выявлены строгие закономерности. Оказалось, что каждая адресная формула имеет в берестяной эпистолографии свое «время жизни». Это было убедительно показано уже в работе Д. Ворта (1984); итогом же данного направления в изучении формуляра берестяных грамот является приводимая А.А. Зализняком табл. 1, демонстрирующая степень распространенности основных типов адресных формул в берестяных грамотах различных периодов (Зализняк 1995: 31; 2004: 37). Ниже она воспроизводится с учетом данных грамот из раскопок 2004–2007 гг. (измененные цифры выделены курсивом).

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в контексте мировой истории» и при поддержке РГНФ (проекты 06-04-00567а, 06-04-00264а).

Таблица 1

Период	грамота	поклонание	отъ X-а къ Y-у	поклонъ	приказъ	челомъ бьетъ челомъ битие	челобитъе
XI – 50-е гг. XII в.	13	8	36	—	—	—	—
ок. 1160–1180 гг.	4	14	26	—	—	—	—
ок. 1180–1220 гг.	—	18	26	3	—	—	—
ок. 1220–1300 гг.	—	3	18	10	—	—	—
ок. 1300–1340 гг.	—	—	7	15	1	1	—
ок. 1340–1380 гг.	—	—	5	33	8	6	—
ок. 1380–1400 гг.	—	—	3	13	2	4	5
I-я пол. XV в.	—	—	—	12	4	15	8

В работе (Зализняк 1987) анализ формуляра берестяных писем в хронологическом аспекте был дополнен наблюдениями над соотношением адресных формул с другими этикетными элементами (в первую очередь — именованнием адресата «господином») и с характером отношений между корреспондентами. С этой целью адресные формулы были подразделены на содержащие и не содержащие изъявление почтения к адресату. К первым были отнесены: а) нейтральные формулы: *отъ X-а къ Y-у*, *грамота отъ X-а къ Y-у*, *X молвилъ Y-у*; б) *приказъ отъ X-а къ Y-у*; во вторым: *поклоняние отъ X-а къ Y-у*, *поклонъ отъ X-а къ Y-у*, *челобитъе отъ X-а къ Y-у*. Было показано, что «сфера употребления нейтральных адресных формул с течением времени неуклонно сужается. Для XI–XII вв. такие формулы являются нормой практически для всех писем, кроме посланий духовных лиц. На следующем этапе письма к иерархически старшим уже обычно требуют почтительной формулы. Далее (XIII₂ и XIV в.) почтительная формула становится нормой уже и для писем к равным (кроме писем с упреком и т. п.). В конце XIV и в XV в. формула без изъявления почтения сохраняется в основном лишь в письмах к социально младшим» (Зализняк 1987: 158). Простоту эпистолярного этикета XI–XII вв. А.А. Зализняк предположительно связывает с относительно слабой социальной дифференциацией новгородского общества этой эпохи, а непрерывный рост «этикетного раболепия» (проявляющийся и в частоте именованния адресата «господином») — со значительным углублением этой дифференциации (Там же: 159).

В настоящей работе мы хотели бы продолжить рассмотрение этикетного формуляра берестяной переписки с точки зрения общих тенденций и импульсов его эволюции, что, в свою очередь, предполагает обращение к вопросам генезиса адресной формулы, ее коммуникативных функций, грамматической и семантической структуры.

Прежде чем заняться этими вопросами, необходимо в двух отношениях расширить круг привлекаемых к рассмотрению этикетных формул.

С одной стороны, в приведенную выше таблицу А.А. Зализняком не были включены — по причине их статистической непоказательности — адресные формулы, встретившиеся 1–2 раза. Будем называть такие формулы *маргинальными*, противопоставляя их *стандартным* для своего времени элементам формуляра. Речь, по существу, идет о формулах со словами *мольба* (№ 846, сер. XII в.), *цѣловъ* (№ 849, сер. XII в.) и *слово добро* (№ 14, 122, перв. четв. XV в.), а также о встретившихся по разу формулах *X кажетъ вѣсть къ Y-у* (№ 771, нач. XIV в.: *Офимия каже весте къ тобѣ*)² и *X молвилъ Y-у* (Ст. Р. 11, XII в.). Для понимания общей организации этикетной стороны берестяной переписки маргинальные адресные формулы представляют, как мы увидим, значительный интерес. В частности, подключение их к общей картине позволяет говорить о существовании двух структурных классов адресных формул: *субстантивных*, с опорным словом — существительным (*грамота отъ X-а къ Y-у* и др.) и *глагольных* (*X кажетъ вѣсть къ Y*, *X молвилъ Y-у*, *X бьетъ челомъ Y-у*).

С другой стороны, к анализу необходимо привлечь глагольные корреляты субстантивных адресных формул, находящиеся в составе содержательной части письма³. Как правило, такие формулы помещаются в конце письма в качестве клаузулы, но иногда встречаются и в середине, и даже в начале сообщения, непосредственно после адресной формулы. Ср. № 147 (XIII): *Поклоно ѿ подвоискаго ко Ошлиту. Нѣ пожали, г(о)с(о)подине, про сигы, ѿце сегово нету. А поцта тобѣ буде гъже. А азо тебе кланяюса; № 271 (XIV): Поклоно ѿ Акова куму и другу Максиму. Укупи ми, кланяюса, ввса у Сндрел...; № 82 (XII): Сѣ Творимира ко Оумь. Кланяюса, братъ, прихажли въ дворо... Учтивая*

² Тексты и переводы берестяных грамот приводятся по: (Зализняк 2004).

³ В таблице А.А. Зализняка такого рода формулы учтены, наряду с адресными, в колонке «челомъ бьетъ, челомъ битие».

эти колебания, будем называть такие формулы в н у т р и т е к с т о в ы м и , имея в виду основную текст письма, за исключением адресной формулы.

В отличие от глагольных адресных формул, в которых представлено «авторское» 3-е лицо, внутритекстовые глагольные формулы, как правило, имеют форму 1-го лица.

Внутритекстовые корреляты имеются не у всех адресных формул, но лишь у тех из них, в которых собственно адресный компонент (*отъ X-а къ Y-у*) осложнен изъявлением почтения к адресату или просто приветствием, выражающимся словами *покланяние, поклонъ, челобитье, цѣловь, мольба*, — последние, по существу, представляют собой вынесенное в адресную формулу приветствие или указание на модус обращения к адресату. Так возникают корреляции: *покланяние / покланяюся, поклонъ / кланяюся, челобитье / челою бью, цѣловь / цѣлую тя, мольба / молюся*. В принципе, в отношении каждой из таких пар можно говорить об одной этикетной формуле, имеющей субстантивную и глагольную разновидности, при этом субстантивный вариант выступает в составе адресной формулы, тогда как глагольный, как правило, бывает встроен в содержательную часть письма. Однозначность корреляции адресных~субстантивных и внутритекстовых~глагольных формул нарушает формула *челобитье / челою бью*, глагольный вариант которой может, наряду с субстантивным, употребляться и в составе адресной формулы.

Рассмотрим подробнее вопрос о семантической структуре адресной формулы и ее коммуникативных функциях. Простое подразделение формул на содержащие и не содержащие изъявление почтения представляется с этой точки зрения недостаточным, о чем свидетельствуют трудности, возникающие в связи с отнесением конкретных единиц к одной из двух категорий. Так, формулу *слово добро* А.А. Зализняк условно относит к почтительным, «хотя она выражает скорее просто приветствие, чем собственно почтение» (Зализняк 1987: 151). С другой стороны, квалификация как «почтительных» формул со словами *поклонъ* и *челобитье* не отражает различия в их статусе, хотя таковое безусловно имеется: если *челобитье*, за редкими исключениями, предполагает обращение «снизу вверх» (подобно тому, как *приказъ* в нормальном случае есть обращение «сверху вниз»), то *поклонъ* может быть обращен и к равному, и, что особенно показательно, к младшему — его почтительность более «этикетна» и может не отражать характера отношений между участниками коммуникации.

С учетом сказанного семантику адресной формулы адекватнее будет описать, опираясь на состав ее смысловых компонентов. Таких компонентов можно выделить четыре: 1) обозначение коммуникативного акта (слова *грамота, кажетъ вѣсть, молвилъ*); 2) обозначение участников коммуникативного акта (только по имени или с указанием социального статуса) (*отъ X-а къ Y-у*); 3) выражение приветствия (*покланяние, поклонъ, цѣловь, челобитье, слово добро*); 4) характеристика типа сообщения (*мольба, челобитье, приказъ*). Первый из этих компонентов имплицитно присутствует в составе любой адресной формулы, а эксплицитное его выражение является, вообще говоря, избыточным. Второй, адресный компонент образует ядро адресной формулы, ее семантический инвариант. Третий и четвертый компоненты представляют собой факультативные распространения ядерного адресного компонента. Это распространение может происходить как в каком-то одном отношении, так и одновременно в обоих. Формулы со словами *покланяние* и *поклонъ*, выражая приветствие, не несут никакой предварительной информации о характере сообщения, которое вполне может заключать в себе упрек (№ 605), требование (№ 750) и даже угрозу (№ 705). Напротив, слова *мольба, приказъ*⁴ приветствиями не являются, но

⁴ Как отмечает А.А. Зализняк, формула со словом *приказъ* не обязательно выражает позицию «сверху вниз» по отношению к адресату. «При более древнем значении этого слова («сообщение», «то, что поручено сказать адресату») данная формула близка по смыслу к *X молвилъ Y-у*» (Зализняк 1987: 151). Заметим, однако, что одновременность появления в грамотах адресных формул со словами *приказъ* и *челою бьетъ* — при том, что последняя заведомо выражает позицию «снизу вверх», — позволяет рассматривать их как изначально симметричные и в равной степени характеризующие взаимоотношения автора и адресата. В случаях же (впрочем, достаточно редких), где толкование «приказа» как распоряжения кажется невозможным, следует, на наш взгляд, видеть не столько семантический архаизм, сколько нейтрализацию основного значения лексемы. Неслучайно в двух таких грамотах употребление слова *приказъ* в адресной формуле «уравновешивается» формулой, выражающей противоположную позицию. В грамоте № 594 (XIV₂), представляющей собой, по предположению В.Л. Янина, письмо архиепископа Моисея к посаднику Онцифору Лукиничу, таким «противовесом» выступает обращение *господине*; в грамоте № 931 (рубеж XIII/XIV вв., *Приказъ къ Смену о [=от] женѣ*) — заключительное *челою бью*. По существу, оба текста (равно как и № 538: *Приказъ от попады* к попу) представляют собой именно распоряжения, т.е. *приказъ* выступает здесь в своем основном значении.

характеризуют содержание сообщения достаточно определено. Совмещение двух функций имеет место в формулах со словами *челобитье / челомъ бьеть*, которые, будучи приветственными, в то же время однозначно определяют взаимное расположение участников коммуникации на ступенях социальной лестницы.

Таким образом, в зависимости от набора элементов, образующих их семантическую структуру, адресные формулы можно подразделить на: а) собственно адресные (1+2, 2: *грамота отъ X-а къ Y-у, отъ X-а къ Y-у*), б) приветственные (2+3: *покланяние/поклонъ, цѣловъ, слово добро*); в) приветственно-характеризующие (2+3+4: *челомъ бьеть, челобитье*), в) характеризующие (2+4: *мольба, приказъ*).

Основные тенденции семантической эволюции системы адресных формул видны из табл. 2, в которой представлены данные о процентном распределении стандартных адресных формул, причем формулы *покланяние / поклонъ* и *челомъ бьеть / челобитье* объединены, как представляющие одни и те же речевые жесты.

Таблица 2

Период	<i>грамота</i> (1, 2)	<i>отъ X-а къ Y-у</i> (2)	<i>покланяние</i> <i>поклонъ</i> (2, 3)	<i>челомъ бьеть</i> <i>челомъ битье</i> <i>челобитье</i> (2, 3, 4)	<i>приказъ</i> (2, 4)
XI – 50-е гг. XII в.	13 (23%)	36 (63%)	8 (14%)	—	—
ок. 1160–1180 гг.	4 (9%)	26 (59%)	14 (32%)	—	—
ок. 1180–1220 гг.	—	26 (59%)	21 (48%)	—	—
ок. 1220–1300 гг.	—	18 (58%)	13 (42%)	—	—
ок. 1300–1340 гг.	—	7 (29%)	15 (63%)	1 (4%)	1 (4%)
ок. 1340–1380 гг.	—	5 (10%)	33 (66%)	3 (6%)	8 (16%)
ок. 1380–1400 гг.	—	3 (12%)	13 (52%)	7 (28%)	2 (8%)
1-я пол. XV в.	—	—	12 (36%)	17 (52%)	4 (12%)

Тенденции, как можно видеть, заключаются в следующем. Система освобождается от коммуникативно избыточного компонента 1 и развивает компоненты 3 и 4. В силу этого доля собственно адресных формул неуклонно падает на протяжении всего периода существования берестяной письменности, тогда как совокуп-

ная доля приветственных и (приветственно)-характеризующих формул, напротив, возрастает. При этом доля приветственных формул достигает максимума в середине XIV в., а затем идет на спад, что связано с появлением и стремительным распространением формул характеризующего типа.

Рассмотрим теперь распределение адресных и внутритекстовых вариантов этикетных формул. В табл. 3 приведены, без разделения на периоды, данные об их количестве и времени бытования.

Таблица 3

адресные			внутритекстовые		
<i>покланяние</i>	39	<1300	<i>покланяюся</i>	8	<1240
<i>поклонъ</i>	81	1180>	<i>кланяюся</i>	24	1140-1400
<i>челобитье</i>	13	1380>	<i>челомъ бью</i>	12	1340>
<i>челомъ битье</i>	2	1340>			
<i>челомъ бьеть</i>	13	1320>			
<i>цѣловъ</i>	1	XII в.	<i>цѣлую тя</i>	10	<1200
<i>мольба</i>	1	XII в.	<i>молю(ся)</i>	4	<1200

Как видно из таблицы, по характеру соотношения адресных и внутритекстовых вариантов стандартные формулы противопоставлены маргинальным. Если у первых число адресных употреблений в несколько раз превышает число внутритекстовых (в 4,9 для *покланяние*, в 3,4 — для *поклонъ*, в 2,3 — для *челобитье / челомъ битье / челомъ бьеть*), то для вторых соотношение является обратным: на фоне более или менее систематического употребления внутритекстовых формул их адресные корреляты представлены изолированными примерами.

С отмеченным различием тесно связано (по-видимому, обусловливая его) еще одно, а именно: распределение адресных формул носит более контрастный характер, чем их внутритекстовых соответствий: в то время как для первых соотношение максимального (*кланяю ся*) и минимального (*молю ся*) значений составляет 24 : 4, для вторых оно составляет 80 : 1 (*поклонъ: мольба/цѣловъ*). Причина этого заключается, как можно думать, в большей стереотипности адресных формул по сравнению с внутритекстовыми (в основном — заключительными) формулами. Далеко не все оттенки этикетных смыслов, выражаемых в основной части берестяного письма, находят регулярное соответствие

в адресной формуле. Последняя может заключать в себе лишь самую общую, предварительную характеристику этикетного модуля письма, уточняемую затем в основной части сообщения. Поэтому, например, адресные формулы со словом *покланяние* выступают в берестяных письмах в сочетании не только с *покланяюся*, но также и с *молюся* (№ 725) и *цѣлую тя* (№ 549, 682). Впрочем, как показывают формулы со словами *цѣловь* и *мольба*, попытки разнообразить адресный формуляр, расширив спектр выражаемых им этикетных отношений, также имели место, однако они, судя по маргинальному характеру этих формул, носили скорее характер индивидуальных экспериментов.

Большая стереотипность адресных формул по сравнению с внутритекстовыми предполагает и большую консервативность. Действительно, можно заметить, что замена слова *покланяние* на *поклонь* в адресных формулах несколько запаздывает по сравнению со структурно параллельной ей заменой *покланяюся* на *кланяюся*. Примеры *кланяюся* фиксируются в берестяных письмах начиная с середины XII в. (№ 175, 888); *поклонь* же появляется в адресных формулах лишь к концу столетия (самый ранний пример — Ст. Р. 31, посл. четв. XII в.). Аналогично, в то время как формула *покланяюся* практически не выходит в своем употреблении за пределы XII в. (последний раз она представлена в грамоте № 763, перв. четв. XIII в.), адресная формула со словом *покланяние* доживает до конца XIII в. (самые поздние примеры — № 139, 615). Эта задержка в эволюции адресных формул по сравнению с внутритекстовыми находит прямое выражение в грамотах, в которых слово *покланяние* в адресной формуле сочетается с *кланяюся* в основном тексте (№ 760, сер. XIII в.; № 615, кон. XIII в.). Индукция, вызывающая изменение набора адресных формул, идет, таким образом, со стороны менее консервативного этикетного компонента содержательной части письма.

Сделанные наблюдения вплотную подвели нас к вопросу о генезисе адресной формулы берестяного письма. Рассмотрение этого вопроса требует, вообще говоря, двойной перспективы. С одной стороны, как элемент письменной коммуникации адресные формулы и этикетная сторона берестяной переписки в целом могут рассматриваться в контексте становления древнерусской письменной традиции, происходившего в ходе освоения воспринятых при южнославянском посредстве византийских образцов. К сожалению, в рамках эпистолярного жанра проследить кон-

кретные механизмы этой преемственности крайне затруднительно ввиду полного отсутствия сопоставимого с берестяными письмами материала южнославянского происхождения. Точно так же не сохранилась и бытовая греческая переписка средневизантийского периода; сравнение же берестяных писем с современной им византийской литературной эпистолографией обнаруживает лишь глубину несходства двух традиций, разделенных огромной культурной дистанцией. Более перспективным для сопоставления источником является позднеантичная частная эпистолография, донесенная до нас греческими папирусами, в которых к настоящему времени обнаружен уже целый ряд выразительных параллелей к формулам и оборотам берестяных писем (см.: Мещерский 1958: 100; 1981: 63) — о греческих формулах типа *καλλῶς ποιεῖν, ἐν πρᾶττειν* как вероятном источнике древнерусской вежливой формулы *добрѣ сътворѧ*; (Факкани 1999: 335–336), об обращении *брате господине* и др.). Круг таких параллелей может быть расширен, однако неизбежно встает вопрос: действительно ли перед нами свидетельства влияния греческой эпистолографии на древнерусскую, или же отмечаемые сходства носят типологический характер и объясняются независимым возникновением в двух традициях одних и тех же этикетных стереотипов? Ставить вопрос таким образом побуждает хотя бы тот факт, что проводимые параллели совершенно не затрагивают стержневых компонентов формуляра: универсальная для греческой эпистолографии формула прескрипта *ὁ θεῖνα τῷ θεῖνι χαίρειν* в берестяных грамотах не обнаруживается вовсе (ср. между тем использование ее славянского соответствия *X У-у радоватися*, в переводных памятниках (например, в «Александрии») и литературной эпистолографии Московской Руси (в частности, у Максима Грека (Буланин 1984: 99–102); в свою очередь, стандартные адресные формулы раннедревнерусских писем — *Грамота отъ X-а къ У-у* и *Покланяние отъ X-а къ У-у* — не находят соответствий в греческой традиции (см. об адресных формулах позднеантичной и византийской эпистолографии: (Герхард 1905; Экслер 1923; Коскенниemi 1956)).

Указанное обстоятельство выдвигает на первый план другой аспект «генеалогии» формуляра берестяных писем — его преемственность в отношении автохтонной традиции устных «речей», бывших у восточных славян в дописьменную эпоху единственным средством передачи информации на расстоянии (см. о роли устного фактора в берестяной переписке: (Буланин 1997: 158–160; Гип-

пиус 2004: 203–213). Практика «ссылаться речами» сохранялась и позднее, составляя основу древнерусского посольского обычая, исследованного в классической работе Д.С. Лихачева (1987) на материале русских летописей. Для нашего вопроса эти летописные свидетельства представляют первостепенный интерес.

Формуляр летописных посольских речей представлен двумя вариантами: пространным, включающим описание процедуры посольства, и сокращенным, в котором это описание отсутствует и приводится лишь текст речи. Пространный формуляр в его развернутом виде включает следующие основные компоненты: а) передачу приветствия (в 3-м лице: *Х ти ся кланяеть*), б) объявление о сообщении (*тако ти молвить Х*), в) текст сообщения, представляющий собой прямую речь посылающего.

Вот как описывается, к примеру, выступление перед киевлянами послов Изяслава Ростиславича в 1147 г.:

И въступи Добрынька и Радило и рекоста: (а) «цѣловаль та браѣ, а митрополиту сѧ покланяль, и Лазарѧ цѣловаль, и Кыяны всѧ». Рекоста Кыяне: «молвита, с чимъ ваѣ князь присла». Она же рекоста: (б) «тако молвита князь: (в) цѣловала ко мнѣ крѣтъ Давыдовичи и Стославъ Всеволодичъ, емуже азъ много добра створиѣ, а нонѣ хотѣли мѧ оубити лествю ...» [Лавр., 105 об.]

Столь же яркий образец пространного формуляра представляет описание в Галицко-Волынской летописи посольства перемышльского епископа Мемнона к Владимиру Васильковичу от лица Льва Даниловича:

Присла же потомъ ко Володимероу Левъ епѣна своего Перемышлескаго именемъ Мемнона. Слуги же его повѣдаша емоу: «влѣка, зѣне, приѣхалъ». Онъ же реѣ: «Которыи влѣка?» Они же повѣдаша: «Перемышлескии, ѣздить ѿ брата тѣ ѿто Льва». Володимеръ же бѣ разоумѣа древнѧ и заднѧ, на што приѣхъ, посла по него. Онъ же воиде к нему и поклонивсѧ емоу до землѣ, река: а) «Братъ ти сѧ кланяеть». И велѣ емоу сѣсти. И нача посольство правити: б) «Браѣ ти, зѣне, молвита: в) «Стрѣи твои Данило король, а мои вѣцѣ, лежить в Холмѣ оу стѣи Бѣци, и сыновѣ его, браѣ моа и твоа Романъ и Шварно, и всихъ кости тоуто лежатъ...» [Ипат.: 1288, 301 об.]

Сокращенный формуляр игнорирует фигуру посла, представляя ситуацию так, как если бы отправитель и адресат сообщения

общались напрямую. На форме передаваемой речи это никак не сказывается, поскольку и пространный формуляр представляет ее как прямое высказывание отправителя посольства, слово в слово воспроизводимое послом. Объявление о сообщении в кратком формуляре, естественно, отсутствует, раз нет описания процедуры посольства. Наибольший интерес представляют трансформации, которые претерпевает в этом случае приветственный компонент сообщения. Он может быть или а) включен в нарративное обрамление прямой речи, будучи оформлен причастием, или б) введен в состав прямой речи, выраженный формой 1-го лица. Ср. контексты, иллюстрирующие эти возможности:

а) *И присла Игорьъ къ Изяславоу, моласа и кланявса, река тако: «Браѣ, се боленъ есмь велми, а прошю оу тебе постриженѧ ...» [Ипат.: 1146, 124];*

б) *Гюрги же противу тому присла свои посолѣ и реѣ къ Вячѣславу: «И сѧ тобѣ, брате, кланяю, тако право есть, ако то и молавиши. Ты мнѣ еси тако вѣцѣ, аже сѧ хошеци со мною радити, ать поѣдетъ Изяславъ Володимерю, а Ростиславъ Смоленскоу, а вѣ сѧ сама оурядивѣ» [Ипат.: 1150, 155 об.]*

Сокращенный формуляр посольских речей иногда воспринимается как свидетельство того, что речи передавались в письменной форме, в виде грамот (см. справедливую критику этой позиции в (Лихачев 1987: 142). В действительности же он представляет собой лишь результат абстрагирования от несущественных для летописца, в силу их однотипности, обстоятельств передачи устного высказывания. Это абстрагирование предполагало, в частности, — если приветствие включалось в состав прямой речи — перевод глагола *кланятися* из формы 3-го в форму 1-го лица, которая для данного глагола кажется, вообще говоря, невозможной или, во всяком случае, маловероятной в устной коммуникации. Поручая послу передать его поклон, князь употреблял форму императива: «кланяйся»; посол, «изображая» этот поклон, говорил о князе в 3-м лице: «кланяется». Формы 1-го лица не употреблял никто, она появляется лишь в «сокращающем» летописном изложении, которое, хотя, казалось бы, дословно передает княжескую речь, в действительности — именно в этом отношении и только в нем — модифицирует ее. Эта модификация использует возможности письменной речи, в которой форма 1-го лица *кланяюся* впол-

не употребима, описывая реальный или воображаемый жест автора, недоступный для непосредственного наблюдения его адресатом.

Сказанное о невозможности формы 1-го лица глагола *клянятися* в устной речи относится только к употреблению этого глагола как обозначению поклона как такового, т. е. почтительного приветственного жеста, и не относится к тем контекстам, в которых это значение сопровождается основным значением просьбы. Чрезвычайно показательна в этом отношении сцена из Ипатьевской летописи, в которой Галицкий князь Ярослав Владимирович отряжает послом к Изяславу Мстиславичу Петра Бориславича. *Ярославъ же рече Петрови: «Мы есмы тебе того дѣла позвали, се Бѣ волю свою, како ему оугодно, тако створишь есть. А нынѣ поѣди къ ѿцю своему Изяславу, а ѿ мене съ ему поклони, и се ему явиши: „аче Бѣ ѿца (мо)еѣ поньль, а ты ми буди въ ѿца мѣсто; а ты съ с моиѣ ѿцѣмъ самъ вѣдалъ, что межѣ (на)ма было, а то оуже Бѣ всудилъ. Аче Бѣ ѿца моеѣ поньль, а мене Бѣ на его мѣстѣ вставишь, а полкъ еѣ и дружина е(го) оу мене суть, развѣ ѿдино копие поставлено оу гроба его, а и то в руку мою ест. Нынѣ, ѿче, кланяю ти съ: прими ма тако сна своего Мѣстислава, такоже и мене, ать ездить Мѣстиславъ подлѣ твои стремь по ѿдинои сторонѣ тебе, а та по другои сторонѣ подлѣ твои стремь ѿждо всеми своими полкъ»». И тако ѿпустиша Петра»* [Ипат.: 1152, 167]. Поклон-приветствие обозначен здесь формой императива, а поклон-просьба — формой 1-го лица.

Рассматривая на этом фоне формуляр берестяных писем, можно выделить в нем элементы, обнаруживающие наибольшую близость к прототипической ситуации передачи устного сообщения. В этом отношении особый интерес представляет начало грамоты № 771 (нач. XIV в.): *Офимиа каже весте къ тобѣ: гривнѣ серебра присли на дѣвке... Текст представляет собой точную запись устного объявления, которое посланец Офимьи должен был сделать не названному по имени адресату, адресной формулы как таковой здесь нет. Аналогичным образом устроена одна из частей грамоты № 955 (сер. XII в.): *Рекла ти такъ Милоушъ: вѣдай дѣвѣ гривене вѣцѣрашеи. Ср. абсолютно точное соответствие в Повести временных лет: *Потомъ же придоша Нѣмьци, глюще «придохомъ послании ѿ папежа»; и рѣша ему: «реклъ ти тако папежъ: земля твоа тако и земля наша, а вѣра ваша не тако вѣра наша вѣра ...»* [Лавр.: 984, 85]. Характерно, что в грамоте № 955 данная рубрика не является начальной: ей предшествует**

основное сообщение, вводимое стандартной адресной формулой *Ѿ Милоушѣ къ Марьнѣ*, которая может рассматриваться и как относящаяся к грамоте в целом.

Ориентацией на устное воспроизведение текста письма доставившим его адресату гонцом-посыльным объясняется и своеобразная организация грамоты № 422 (сер. XII в.), в которой внутритекстовая формула с глаголом *покланятися* оформлена не в 1-м лице, как во всех остальных письмах, использующих эту формулу, а в 3-м, что опять же ближайшим образом напоминает пространный формуляр летописных посольских речей: *Ѿ Мѣстѣ ко Гавошѣ и ко Содиль. Попытаита ми конѣ. А Мѣстѣ са вама покланѣ. Аже ва цѣто надобѣ, а солита ко монѣ, а грамоту водаита. А уо Павла скота попросита. А Мѣстѣ... (Недописанное имя должно было быть «развернуто» в формулу *Мѣстѣ са вама покланѣеть* при прочтении текста адресату; см.: Гиппиус 2004: 212).*

В только что рассмотренных случаях можно видеть рудименты той ранней фазы в развитии письма на бересте, когда грамота лишь фиксировала – во избежание ли потери информации или для вящей достоверности сообщения – подлежащее передаче устное высказывание, выступая как своего рода «приложение» к устному посланию (см.: Буланин 1997: 157–159; Гиппиус 2004: 200–204). «Зрелый» формуляр берестяной переписки отражает уже качественно иное восприятие письменного текста и может быть понят как результат своего рода «эмансипации» письменного высказывания, приобретения им автономного коммуникативного статуса.

Важнейшей частью этого процесса было преобразование формулы, вводящей устное сообщение, типа *X молвить тобѣ*, в адресную формулу *отъ X-а къ Y-у*. Формулы эти противопоставлены в двух аспектах: синтаксически и прагматически. Первая кодирует отправителя и адресата сообщения как разные члены предложения (подлежащее и дополнение) и называет в разных лицах (соответственно 3-м и 2-м); вторая уравнивает их в обоих отношениях, трактуя как дополнения и обозначая в 3-м лице. С коммуникативной точки зрения более существенно второе различие. Формула *X молвить тобѣ* предполагает участие в коммуникации, помимо отправителя и адресата сообщения, еще и лица, опосредующего их контакт, – таким лицом, как мы видели, является гонец-посыльный: именно с его точки зрения отправитель является 3-м, а адресат – 2-м лицом. Формула *отъ*

X-а кь Y-у упрощает схему коммуникации, представляя ее как осуществляющуюся напрямую, без посредника.

Как промежуточный этап перехода от одной стадии к другой можно рассматривать формулу *X молвить Y-у*, представленную в грамоте Ст. Р. 11 (XII в.): *Иванна молвила Фимь: любо коунь восоли, пак ли дорго продаю* ('Иванова жена говорит (букв.: сказала) Фиме: либо деньги пришли, либо потребую наложить [на тебя] большой штраф'). С формулой *X молвить тебъ* ее объединяет синтаксическая структура; с формулой *отъ X-а кь Y-у* — обозначение отправителя и адресата в 3-м лице.

Трактовка глагольных адресных формул как стадияльно более ранних по сравнению с формулой *отъ X-а кь Y-у* подтверждается типологическими параллелями. Так, в эпистолографии древней Месопотамии (с которой древнерусская берестяная переписка имеет немало пересечений) адресная формула «Письмо от такого-то» появляется лишь в нововавилонский период, сменяя архаичную формулу «Так (говорит) такой-то» (см.: Оппенхейм 1990: 219). Считается также, что стандартная греческая формула $\acute{o} \delta\epsilon\iota\nu\alpha \tau\acute{\omega} \delta\epsilon\iota\nu\iota \chi\alpha\iota\rho\epsilon\iota\nu$ сменила архаичный вариант прескрипта $\acute{o} \delta\epsilon\iota\nu\alpha \tau\acute{\omega} \delta\epsilon\iota\nu\iota \tau\alpha\delta\epsilon \lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\iota$ (Коскенниemi 1956: 156). Свидетельством этого древнейшего состояния является начало письма, приводимого в 3-й книге «Истории» Геродота: «Амасис Поликрату говорит так: “Приятно узнать, что друг наш и гостеприимец счастлив и т.д.”» (Геродот 1972: 151). Хотя речь идет о персах, предполагается, что Геродот использовал здесь обычную для его эпохи греческую эпистолярную формулу.

Параллельную эволюцию должен был претерпеть и приветственный компонент сообщения. Его трансформация могла происходить двумя путями. С одной стороны, — подобно тому, что мы наблюдаем в сокращенном формуляре летописных речей, — приветствие могло быть встроено в содержательную часть письма, с заменой 3-го лица *кланяться* на 1-е лицо *кланяюся*. С другой стороны, оно могло войти в состав адресной формулы, сохранив форму 3-го лица (*X бьет челомъ Y-у*) или трансформировавшись в субстантив (*Покланяние [поклонъ, цълъвь, челобитье] отъ X-а кь Y-у*). В зависимости от выбранного сценария приветственный компонент может находиться: а) только в составе адресной формулы, б) только в составе основного сообщения, в) в составе того и другого.

Характерно, что, в отличие от летописных речей, которые, как правило, открываются приветственным поклоном, в грамо-

тах *покланяюся* и *кланяюся* обычно выступают как заключительные формулы (за которыми, однако, может следовать «постскриптум», как в грамотах № 227 или 849). Причина этого вполне очевидна: роль начального приветствия регулярно берет на себя сама адресная формула. Там же, где адресная формула не включает приветствия, последнее может открывать основную часть письма. Именно это мы наблюдаем в грамоте № 82 (посл. четв. XII в.): *Ѡ Творимира ко Ѡтъмъ. Кланяюся, братъ, прихажжи въ дворо....* Неконечное *кланяюся* встречается и в письмах с приветственной адресной формулой, однако в них оно приобретает дополнительное значение просьбы. См., например, № 271 (сер. XIV в.): *Поклоно Ѡ Акова куму и другу Максиму. Укупи ми, кланяюся, свса у Ѡндреа*

Глагольный и субстантивный варианты оформления приветствия в составе адресной формулы можно — во всяком случае, теоретически — рассматривать как последовательные стадии эволюции формуляра. Тот факт, что архаичный глагольный вариант реально представлен только формулой *X бьет челомъ Y-у*, появляющейся, как и соответствующая субстантивная формула, лишь в XIV в., следует, видимо, объяснить более ритуализованным и потому более обязательным для исполнения характером самого жеста челобития, безусловно имеющего весьма древнее происхождение (ср. упоминания в Повести временных лет: *Ярославу покорившюся и вдарившю челомъ передъ строемъ своимъ Володимеромъ* (Ипат.: 1117, 285) и Вопросании Кирика: *и оударихъ предъ нимъ челомъ* (Павлов 1908: 56).

Не исключено, впрочем, что и «субстантивированное» приветствие могло «исполняться» как жест в процессе оглашения письменного сообщения адресату доставившим его гонцом (об этой процедуре см.: Гиппиус 2004). Именно этим может объясняться тот факт, что в составе адресной формулы лексемы *поклонъ* и *покланяние*, по-видимому, выступают в форме винительного, а не именительного падежа — «с подразумеваемым управляющим глаголом, например: „эта грамота несет...”» (Зализняка 1986: 130). Развивая это предположение А.А. Зализняка (замечательным образом подтвердившееся находкой грамоты № 849 с начальным *цълъвь*, бесспорно представляющим собой аккузатив), Р. Факкани задается вопросом: «Не подчинялись ли исходно — или идеально — эти формы винительного падежа глагольной форме (презенсу первого лица ед.

числа), с которой гонец — естественно или условно — обращался к адресату или адресатам, прежде чем приступить к чтению и передаче вслух грамоты, письменного текста послания <...>?» (Факкани 2006: 13).

Завершая эти заметки, остановимся на тех изменениях, которые расширение фонда берестяных грамот вносит в представления о социокультурной обусловленности выбора этикетных формул авторами берестяных писем. Особенно показательна в этом отношении судьба уже неоднократно упоминавшейся формулы *и цѣлую та*. В пределах первых семи сотен берестяных документов она проявилась лишь дважды, в грамотах № 549 (XII₂, письмо «от попа к Гречину») и № 682 (XII₂, письмо монахини), что, казалось бы, давало все основания видеть в этой формуле приметку эпистолярного стиля, принятого в духовной среде. Поэтому, когда данная формула встретилась в грамоте № 710 (XII₂, от Семьюна к Доброшке, о взыскании долгов), написанной тем же почерком, что и грамота № 664 (от Доброшки к Прокше), это было расценено как одно из свидетельств написания текста профессиональным писцом, монахом или клириком (Зализняк 1995: 271). Однако находки 1990-х годов, увеличившие фонд домонгольских берестяных документов более чем в полтора раза, решительно изменили картину. На сегодняшний день формула *и цѣлую та* представлена уже в десяти грамотах, из которых перу духовных лиц принадлежат лишь две уже названные. Из оставшихся восьми текстов шесть носят вполне светский характер (710, 714, 829, 849, 851, Торж. 10) и еще два содержательно нейтральны в силу их фрагментированности. Таким образом, этикетной прерогативой духовенства употребление данной формулы ни в коей мере не являлось. Об этом же свидетельствуют и летописные данные, см., в частности, приведенный выше контекст из Ипат. под 1147 г.: *цѣловаль та бра^т, а митрополиту са покланаль, и Лазарь цѣловаль, и Кыяны всѣ*; две этикетные формулы здесь прагматически разведены: поклон адресован митрополиту, а «целование» — горожанам.

Точнее, не «целование», а «целовь», если следовать древнерусскому употреблению. Тот факт, что субстантивным коррелятом заключительного *и цѣлую та* оказывается именно эта лексема, сам по себе чрезвычайно показателен. А.А. Зализняк,

комментируя грамоту № 849 (сер. XII в.)⁵, в которой единственный раз встретилась данная формула, трактует *цѣльвь* как В. ед. от ц.-сл. *цѣлы* 'исцеление, спасение', отмечая, что эта формула «точно соответствует латинскому *salutem* в классической эпистолярной формуле — по значению, грамматической форме и эллиптической конструкции без глагола» (Зализняк 2004: 317). Эта яркая параллель не снимает, однако, вопроса о происхождении древнерусской формулы. Ее прямым источником вряд ли могло стать ц.-сл. *цѣлы*, не принадлежащее к кругу общеизвестной и активно воспроизводимой церковнославянской лексики (см. примеры: SJS, 4: 837; Срезневский 3: 1456), да и по значению не подходящее к контексту грамоты, в которой *цѣльвь*, образуя «рамочную» конструкцию с заключительным *и цѣлоую та*, безусловно означает просто 'приветствие' (значение, выражаемое другой уже названной церковнославянской лексемой — *цѣлование*). Таким образом, будучи этимологически тождественно одному церковнославянскому слову, *цѣльвь* грамоты № 849 по значению совпадает с другим. Это семантико-этимологическое «раздвоение» заставляет думать, что в качестве элемента формуляра, *цѣльвь* не является церковнославянизмом, но происходит из восточнославянской языковой среды; наличие же эффекта второй палатализации объясняется, очевидно, ориентацией на престижную наддиалектную форму древнерусского языка (см.: Факкани 2006: 12–13).

О том, что занимающая нас формула, не будучи ограниченной в своем употреблении церковными кругами, обладала вместе с тем определенным социальным престижем, может свидетельствовать следующее обстоятельство. Девять из десяти ее употреблений приходится на документы, найденные на Троицком раскопе, между тем как в грамотах Неревского раскопа данная формула не представлена вовсе. Это отношение отклоняется от статистически ожидаемого: «троицких» писем домонгольского периода в настоящее время известно втрое больше, чем «неревских» (ср. строго пропорциональное этому соотношение числа

⁵ Приведем полностью текст этого документа: *Цѣльвь ѿ Петра къ Дѣмьшѣ. Даи Микуюлѣ Кышкѣ гривень 6, възьма оу Маренѣ. Самъ же привед[а] его даи же передъ Мареною. Ци ти Ярѣко въ[сп]росить, а тамоу не даи. И цѣлоую та. Добръ же створа, исправи же сам[ѣ]* 'Приветствие от Петра к Демше. Дай Микеле Кишке гривень шесть, взявши у Марены. Приведя его сам, дай в присутствии Марены. А если попросит Ярко, то тому не давай. Приветствую тебя. Сделай же милость, исполни сам'.

грамот с начальным *покланяние* – 25 : 8). Столь же непропорционально размерам двух комплексов распределен между ними еще один этикетный компонент – упоминания Бога. В «неревских» письмах в домонгольское время всего один раз встретился оборот *Бѣ дѣла* (№ 296); между тем в «троицких» письмах Бог упоминается 17 раз (в 15 грамотах). При этом, как и формула *цѣлюю та*, упоминания Бога никоим образом не ограничены письмами духовных особ (которым однозначно атрибутируются лишь две грамоты: № 503, 549).

Ярко выраженная неоднородность топографического распределения названных этикетных элементов представляет двойкий интерес. С одной стороны, она может отражать то обстоятельство (явствующее и из содержания грамот), что берестяная переписка велась не столько между обитателями разных концов города (в этом случае локальные различия в эпистолярном узусе неизбежно оказались бы нейтрализованы), сколько между лицами, пребывавшими – временно или постоянно – вне Новгорода, и городскими усадьбами, на которых эти лица проживали или с которыми были связаны.

С другой стороны, эта неоднородность замечательна как свидетельство различий в характере социокультурной среды, складывавшейся в отдельных районах Новгорода. При этом речь, по-видимому, должна идти не о различиях между Неревским и Людиным концами в целом, но о социокультурной специфике той части территории последнего, которая попала в поле зрения археологов на Троицком раскопе. Эта специфика, свидетельствуемая всей совокупностью археологического материала, определялась двумя факторами.

Во-первых, интенсивным присутствием на этой территории церковных структур. На древней Черницыной улице, трасса которой диагонально пересекает территорию Троицкого раскопа, в самой гуще городской усадебной застройки находился Варварин монастырь, переписка монахинь которого представлена грамотами № 657, 682, 717 (втор. пол. XII в.). Неподалеку располагалась усадьба Олисея Гречина, священника, церковного художника и одновременно – боярина и крупного административного деятеля Людина конца (см.: Колчин, Хорошев, Янин 1972; Гиппиус 2005). Документы церковного характера составляют заметную часть письменной продукции усадеб Троицкого раскопа и в XI в. Столь глубокая вовлеченность институтов церкви в жизнь кончанской общины составляла особо благо-

приятную почву для распространения выработанных в духовной среде эпистолярных навыков за ее пределы. Именно это, очевидно, мы и наблюдаем в берестяных письмах, происходящих с Троицкого раскопа.

Вторым обстоятельством, сказавшимся на особенностях формуляра «троицких» берестяных грамот, следует считать высокий социальный статус значительной части их авторов. Элитарный характер населения, подвизавшегося в раннедревнерусский период в исследуемом на Троицком раскопе квартале Людина конца, был выявлен уже на начальном этапе работ, но окончательно раскрылся благодаря раскопкам 1998–1999 гг., когда были в полном объеме исследованы культурные напластования усадьбы «Е» и установлено, что на территории этой усадьбы располагался в конце XI–XII в. крупный административный и судебный центр общеновгородского или, по крайней мере, кончанского значения (см.: Янин 2000: 6–17). Своеобразным лексическим индикатором особого статуса этой усадьбы является тот факт, что на ее письменную продукцию приходится половина (7 из 14) случаев употребления в новгородских грамотах домонгольского времени слова *князь* и три из пяти случаев употребления в них слова *дружина*. Грамоты усадьбы «Е» выделяются на общеновгородском фоне и по своим языковым характеристикам – ориентацией многих текстов на наддиалектный древнерусский язык и предпочтением стандартной орфографии бытовой (см.: Янин и Зализняк 1999: 26–27; Вермеер 2005: 126). Неудивительно, что эта культурная специфика выражается и в формуляре: из девяти новгородских берестяных документов, использующих формулу *и цѣлюю та*, с территории усадьбы «Е» происходят пять (№ 823, 829, 849, 851, 858; отметим, что грамоты № 549 и 682, написанные попом и монахиней, в это число не входят).

Среди лиц, подвизавшихся в середине XII в. на усадьбе «Е», были крупнейшие политические деятели своего времени: посадник Якун Мирославич (упоминаемый в грамотах как Якша) и боярин Петр Михалкович (в грамотах – Петр, Петрок), выдавший в 1156 г. дочь за княжившего в то время в Новгороде сына Юрия Долгорукого Мстислава (Гиппиус 2003а). С этим событием связано создание двух центральных памятников новгородского искусства XII в. – иконы Богоматери «Знаменье» и одного из крестов (причастных чаш) новгородского Софийского собора; заказчиком обоих произведений есть веские основания считать Петра Михалковича (Гиппиус

2003б). Случайно ли, что именно этот персонаж является автором грамоты № 849, в которой заключительное *и ѡѡлу ю та* корреспондирует с уникальным начальным *ѡѡльвь*? Из того же комплекса документов происходит грамота № 846 с также уникальной адресной формулой со словом *мольба*. Имя адресата начиналось на *П-*, и им, вероятнее всего, был тот же Петр Михалкович; автор же, Дмитрий, учитывая варьирование гласного в корне этого имени, вполне может быть тождествен Демше — адресату грамоты № 949. Выше мы уже высказали предположение об экспериментальном характере этих маргинальных адресных формул. Не исключено, что мы вообще имеем здесь дело со своего рода этикетным «состязанием» двух постоянных корреспондентов⁶. Еще одна грамота, адресованная Петроку и упоминающая Дмитра (№ 839), демонстрирует изысканнейшую формулу вежливой просьбы: *а бѡ дѡла, отагъци(са)* 'ради Бога, возьми на себя труд (букв.: отяготи себя)'. В этой концентрации формулярных изысков можно видеть отражение культурных амбиций общественной элиты Новгорода XII в., стремление подняться над средним для своей эпохи уровнем письменной продукции.

Литература

- Буланин 1984 — Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984.
 Буланин 1997 — *Bulanin D.* Der literarische Status der Novgoroder "Birkenrinden-Urkunden" // *Zeitschrift für Slawistik* 42 (1997). S. 146–167.
 Вермеер 2005 — *Вермеер В.* Рец.: А.А. Зализняк. Древненовгородский диалект // *Вопросы языкознания*. 2005. № 6. С. 124–128.
 Ворп 1984 — *Worth D.* Incipits in the Novgorod birchbark letters // *Semiosis: Semiotics and the History of Culture* (In Honorem Georgii Lotman). University of Michigan, 1984.
 Геродот 1972 — *Геродот*. История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г.А. Стратоновского. Л., 1972.

⁶ Возможность такой индивидуализации формуляра демонстрирует в более позднюю эпоху адресная формула *Слово добро от X-а к У-у*. Во всем корпусе берестяных грамот она встречается лишь дважды, в письмах друг к другу братьев Есифа и Фомы, перв. пол XV в. (№ 14: *Слово добро ѡ Фомѡ к Юсифу*; № 122: *Слово добро ѡ Юсифа к брату Фомѡ*).

Герхард 1905 — *Gerhard G.A.* Untersuchungen zur Geschichte des griechischen Briefes. I. Die Formel $\delta \delta \epsilon \iota \nu \alpha \tau \omega \delta \epsilon \iota \nu \iota \chi \alpha \iota \rho \epsilon \iota \nu$ // *Philologus*. 1905. Bd. 64. S. 27–65.

Гиппиус 2003а — *Гиппиус А.А.* Петр и Якша: К идентификации персонажей новгородских берестяных грамот XII в. // *Новгородский исторический сборник*. Вып. 9(19). С. 66–76.

Гиппиус 2003б — *Гиппиус А.А.* О происхождении новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение» // *Новгородский исторический сборник*. Вып. 9(19). СПб., 2003. С. 77–93.

Гиппиус 2004а — *Гиппиус А.А.* К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // *НГБ XI*. С. 183–232.

Гиппиус 2005 — *Гиппиус А.А.* К биографии Олисея Гречина // *Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси*. М., 2005. С. 11–25.

Зализняк 1995 — *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.

Зализняк 2004 — *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Зализняк 1987 — *Зализняк А.А.* Текстовая структура древнерусских писем на бересте // *Исследования по структуре текста*. М., 1987. С. 147–181.

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. М., 1962.

Колчин, Хорошев, Янин — *Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

Коскенниemi 1956 — *Koskenniemi H.* Studien zur Idee und Phraseologie des griechischen Briefes bis 400 n. Ch. (*Annales Academiae Scientiarum Fennicae, Ser. B, t. 102*). Helsinki, 1956.

Лавр. — Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись. М., 1962.

Лихачев 1986 — *Лихачев Д.С.* Русский посольский обычай XI–XIII вв. // Д. С. Лихачев. Исследования по древнерусской литературе. М., 1986. С. 140–153.

Мещерский 1958 — *Мещерский Н.А.* Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка // *Вестник ЛГУ*. 1958. № 2. С. 93–108.

Мещерский 1962 — *Мещерский Н.А.* К изучению языка и стиля новгородских берестяных грамот // *Уч. зап. Карельск. пед. ин-та*. Т. 12 (1961). Петрозаводск, 1962. С. 84–115.

НГБ VII — *Арциховский А.В., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978.

- НГБ VIII — Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.
- НГБ IX — Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- НГБ X — Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000.
- НГБ XI — Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004.
- Оппенхейм 1990 — *Оппенхейм Л.* Древняя Месопотамия. М., 1990.
- Павлов 1908 — *Павлов А.С.* Памятники древнерусского канонического права (Русская историческая библиотека. Т. 6). СПб., 1908.
- Срезневский — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1903.
- Факкани 1999 — *Факкани Р.* Graeco-Novgorodensia. I (Позднеантичные греческие и византийские параллели некоторых формул, выражений и графических символов новгородских грамот на бересте)// Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999. С. 329–337.
- Факкани 2003 — *Факкани Р.* Некоторые размышления об истоках древненовгородской письменности // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Материалы международной конференции. Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г. М., 2003. С. 224–234.
- Факкани 2006 — *Факкани Р.* Маргиналии к берестяным грамотам // *Euroa orientalis*. Vol. 25 (2006). P. 7–17.
- Хунгер 1978 — *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 1. München, 1978.
- Экслер 1923 — *Exler F.* The form of ancient Greek letters. Washington, 1923.
- Янин 2001 — *Янин В.Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.
- Янин и Зализняк 1999 — *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские берестяные грамоты из раскопок 1998 г. // Вопросы языкознания. 1999. № 4. С. 3–27.
- SJS — *Slovník jazyka staroslověnského*. Praha, 1966–1997.